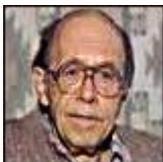

Михаил Гефтер. Сталинизм: вечное возвращение

14/04/11

[5] Михаил Яковлевич Гефтер (1918-1995): Сталинизм - одно из наиболее масштабных и страшных своею загадочностью явлений XX века. Не будет преувеличением сказать, что этот уходящий век, взятый в целом, не может быть понят и "передан" в наследство веку XXI, пока не будет раскрыта тайна сталинизма, раскрыта преодолением его.

Само понятие предусматривает человека: Иосифа Джугашвили. Его биография - необходимая составляющая феномена, но исчерпывает ли его? Налицо два полюса в подходе. Один тяготеет к своего рода inferнальному графику (втайне задуманное, выпестованное в подвалах одиночного сознания и расчетливо, коварно осуществляемое - шаг за шагом). Нельзя сказать, что такой взгляд - чистая блажь. Но он не дотягивает до объяснения хотя бы потому, что феномен включает в себя многие тысячи, а за ними и миллионы мертвых и живых людей - и не только в виде мишени, но и в качестве пьедестала и орудия безграничной власти над условиями жизнедеятельности человека.

Поэтому остается открытым вопрос: кто же субъект сталинизма и был ли этот субъект одним и тем же от начала и до конца (если допустимо говорить о конце)?

Другой полюс, и опять-таки не лишенный оснований, переносит центр тяжести на обстоятельства, которые как бы сами шли в руки банальному мистификатору и злодею, раздвигая границы его власти, и уже обратным ходом возвращались к породившим явление обстоятельствам, не столько даже изменяя природу их, сколько умножая число оборванных человеческих судеб. В этом случае за пределами объяснения (или лишь на периферии их) остается загадка пассивности, тайна недостающего сопротивления. А оно - лишь отчасти следствие, в громадной же мере причина, порождающая сталинизм и входящая в самое ядро его. Это опять-таки проблема человека массы, добровольно уступающего свою роль "творца истории" и не только пассивно, но и активно участвующего в постреволюционной десувверенизации, в коллективном обезчеловечивании.

Конечно, такова вообще антропология новейшего тоталитаризма. Но феномен Сталина не просто одна из его разновидностей. В определенном и, быть может, доминирующем отношении он первичен, и

первичность эта, в свою очередь, не одноактна, а представляет собою процесс, в котором сочетаются неизживаемое прошлое России (в контексте Мира!) и непредуказанность, проистекающая из того же исторического источника.

Между названными двумя полюсами - множество версий и оттенков их. Дано ли свести их к чему-то единому? Если да, то это "единое" не ответ, а вопрос - столь же неоднозначный, как сам сталинизм.

Мы спрашиваем себя: не будь Сталина, не появись он прихотями внутрипартийной борьбы на вершине иерархии, совершилось ли бы то, что не отъемлемо (в большей, меньшей или исключительной мере) от его имени? Любое предположение следует освободить от мифа борьбы за единовластие между Троцким и Сталиным. Я убежден, что Троцкий и не домогался единовластия, да и не мог бы его достичь, даже если бы превратил в самоцель. К рубежу схватки наследников Ленина он уже был "лишним человеком".

Итак, единственный претендент, чья заявка на власть в огромной степени питалась потаенной ненавистью к Ленину (главной тайной его наглухо замкнутого внутреннего мира), - исходный пункт. Случайность с возрастающей самодетерминацией.

А всемирно-историческая ипостась этого кентавра? В ее дальних истоках - превращение Руси в Россию, мозаики отдельных полугосударств в державу и суперэтнос, охватывающий гигантский Евразийский материк (и своим появлением определивший подвижную политическую и смысловую границу понятия "Запад"). С точки зрения эволюции "отдельно взятой" Руси это непосредственное вхождение ее в Мир - случайность, имя которой - монгольское нашествие с его переданным в наследство Москве пространством экспансии. Случайность с возрастающей самодетерминацией.

Результат со временем расщепляется - на империю, условием существования которой является, с одной стороны, сведение к общему знаменателю сугубо различных цивилизаций. С другой же стороны - неподвижность этой внеполитической субстанции не исключает, а предполагает одомашнивание новоевропейского прогресса в самодержавный модернизм, плоды коего - превращение безликой бюрократии в надсмотрщика над повседневностью и беспрецедентное рабство развития, достигающее высшей точки к концу XVIII века и не уходящее полностью "никогда".

Этому детищу мирового процесса противостоит внутри России, в качестве ее собственного отрицания, антиимперия Слова, притязающая на духовное лидерство и буквально воплощение в тех же пределах. С равным правом мы можем назвать эту перевернутую внеполитическую

субстанцию интеллигенцией (в специально русском смысле) - и революцией, которая уже в мыслительном первоимпульсе предстает как власть над историей и душами, собою творящая европеизацию без гильотины и освобождение от рабства без "бунта бессмысленного и беспощадного". Непомерность этого призвания рождает памятные взлеты и падения: сквозь XIX век к веку XX.

В 1917 году движению идей удается победить империю, овладев ее державным и человеческим пространством. Две проекции слились - на время! - воедино. Дух мировой революции, который нес в себе большевизм, совпал с жаждой миллионов крестьян завершить вековой спор с дворянской (и сросшейся с ней буржуазной) Россией - завершить его, прежде всего, уничтожением крепостнических "перегородок" на земле. Эту сдвоенную победу сегодня мы вправе назвать и великой, и пирровой.

Великая еще вчера не нуждалась как будто бы в доказательствах. Сегодня она под сомнением. Но приходит ли сомневающимся в голову, что, пренебрегая масштабом совершившегося, они лишают себя возможности распознать родословную того, что мы окрестили сталинизмом?!

Нет спору, Октябрьская революция вполне могла бы произойти и без персонажа по имени Сталин. Тем более это относится к нэпу. Сталин как роковая неустранимая фигура возникает после. Но в качестве кого - низвергателя или наследника? Либо в хорошо известной Западу, да и всем миром "освоенной" роли палача-душеприказчика? Аналогии наводят на вопрос, но не содержат сами по себе ответа. Трудность в том, что отечественный Термидор не похож на своего классического предтечу: Францию тех двух десятилетий, которые, начавшись свержением Робеспьера, окончились наполеоновским Ватерлоо. Русская же революция, так и не став всесветной, осталась вместе с тем и не побежденной извне. Что это - очевидный плюс или тайный минус? Кажется странным относить к преимуществам исторического пути реставрации и "повторные" революции.

А между тем, прерывания процесса, откладывающие в запас время, имели (в эпоху становления буржуазной Европы) свой резон - по сравнению с финалистской безудержностью нашей революции и особенно рожденным ею способом удерживать свою институциональную форму.

Да и мнимость "физической" непрерывности - не просто плод самообмана, закрепленного догмой и истреблением не так думающих. Догма и подготовила истребление, чтобы в свою очередь быть истребленной - в лице своих первоначальных носителей.

Третьей революции не будет (Н.Бухарин, 1924) - так думал он один? Нет, таков был тогда взгляд, разделявший почти всеми в большевистских верхах. Но понимали ли сторонники нэпа, что, накладывая запрет на "третью", они тем самым отказываются от революции вообще - в пользу реформы, реформистского пути раз и навсегда? Справедливость требует признать, что - ищущий в "нэповской России" пограничный (между Европой и Азией) фрагмент обновленного мирового процесса - Ленин кануна ухода из жизни вплотную подошел к переоткрытию социализма.

Конечно, этот иной социализм не мог уже быть исправленной копией предоктябрьского замысла. Государство типа коммуны осталось далеко позади, в то время как государственный капитализм служил ему по-прежнему образом-ориентиром, требующим, однако, и политической - и даже прежде всего политической - конкретизации. Поставив перед собой вопрос: что делать с революцией? - Ленин должен был ответить на следующий, логически не устранимый вопрос: что делать с партией, возникшей как партия революции и не мыслящей себя в ином виде?

Если этот вопрос оказался неразрешимым для создателя ее, то тем более неразрешимым он был для его преемников. Неразрешимость эта не только соединяла их, невзирая на все разногласия, но именно она подспудно питала внутривнутрипартийную тектонику, превращая заодно миллионголовую Россию в заложницу "войны диадохов", из которой победителем мог выйти только тот, кто оказался способным заменить не дающуюся концепцию Начала (всемирного - внутри России!) сценарием Конца, равно исключаящим и революцию, и реформу. То была подмена и "военно-коммунистической", и "нэповской" утопии антиутопией могущества. То был Термидор несостоявшегося Самотермидора. То был оборотень недостигнутой нормы, сумевший принять, однако, "нормальный" вид, чтобы втесниться в обиход России.

Нет, это не было исполнением графика, как не было и скольжением навстречу уготованному. Не тем и не другим, хотя и включавшим в себя и то, и другое. Плагиат идей и аппаратные игры не должны заслонять от исследователя стержневое - собственно сталинское. Если его Царицын допустимо уподобить Лиону Жозефа Фуше: эгалитаризму, воплощенному в расправе, и расправе как выражению лидерства, а в его "наркомнатстве" нетрудно разглядеть исходный пункт нивелировки, невиданной в наше столетие; если произведенная им систематизация Ленина в ленинизм (с отсечением менявшегося Ленина и превращением его канонизированной мысли в присягу на верность "единству партии") была важным рубежом оттеснения более талантливых союзников-соперников, - то полностью Сталин нашел себя в себе в роковых событиях 1930-х годов.

Он сразил, хотя и не сразу, три человеческие разновидности. Своей "сплошной коллективизацией" он вычеркнул коренную социальную фигуру постоктябрьской эпохи: крестьянина-средняка, суверена земли.

Является ли простым совпадением то, что следующей из жертв явился соавтор этого "вычеркивания" - функционер постоктябрьского большевизма? Исполнитель политики, поднявший Сталина как знамя, он все же был и заказчиком этой политики, притом притязавшим на равенство в рвении. Однако в начале 1930-х его кредо "не жалея себя, не жалеть других", обернулось непокорством. А печально знаменитые "перегибы", исходившие от Сталина, принесли Сталину же вторую роль: заступника - избавителя народа. Теперь он в силах освободиться от вериг лидера равных. И тогда пробил час функционерства - локальных суверенов власти.

Сегодня можно спорить: способен ли был функционер, хотя бы в своем высшем эшелоне, выдвинуть альтернативу падению-гибели в формах стабильности и умиротворения, исключаящих "перманентную гражданскую войну" - главное детище Сталина?

Частичность, неуверенность этих попыток (назовем их "кировскими") подстрекнули опережающий сталинский ответ, продиктованный его натурой и поощряемый суммой внутренних и внешних обстоятельств. Выравниванием смертью Сталин достиг максимальной атомизации СССР, послужившей фундаментом заново выстаиваемому миродержавному единообразию, окрещенному "морально-политическим единством народа".

В силу этого оказался сраженным и третий человеческий тип предреволюционной и обновленной России: интеллигент, сжегший за собой мосты суверенного Слова. Опознавая три лика этой отечественной Голгофы, я не забываю и о ее асинхронности, как вынужденной, так и рассчитанной, превращенной Сталиным в инструмент поистине виртуозного манипулирования и миллионами, и отдельными людьми.

Спазмы социальной деструктуризации, гигантского людского перемешивания, усугубленные и закрепленные террором, ломали нравы, делали бытовыми страх и "страх перед страхом" (В.Гроссман), достигшим самой кровной из сфер человека - речи. Нормой становились сталинская "экономия мышления", лаконизм, сочлененный с таинственностью, с ожиданием спасительного и разрешающего Слова.

Семантический переворот был едва ли не эффективней самого террора. В небытие ушло кодовое - генеральная линия (вместе с "уклонами" и т.п.). Отсчетной единицей стал отныне "враг народа", а сам "народ" - тем,

что исторгает из себя врагов, и уже не "классовых", а исконных и затаенных предателей отечества.

Соответственно, изменился и субъект сталинизма. (Легко представить, к примеру, товарища деревенской юности солженицынского героя-зэка начальником концлагеря, где Иван Денисович влачил свои дни и ночи.) Место функционерского иерархизированного товарищества занял теперь, хотя бы в той же телесной оболочке, аппарат: личный домен Хозяина, лишенный своего прошлого, а стало быть, и своего будущего. Элемент кастовости присутствовал здесь с самого начала и получил затем широкое развитие.

Тем не менее, понятие "новый класс" представляется неточным, по крайней мере, для предвоенного отрезка времени. Напротив, осуществленное и заявленное тогда упразднение классов составило одну из краеугольных основ сталинской системы, как и введенного им социализма.

То, что ныне именуют административно-командной системой, есть лишь функциональное выражение того переворачивания вышедших из революции отношений собственности и власти, при котором последние уже не только "командовали" первыми, но и в такой степени растворили их в себе, что эта собственность власти сделала возможным распоряжение человеческой повседневностью в масштабах, близких к пределу (сравним формулу "преодоления пережитков капитализма в сознании", провозглашенную целью второй пятилетки, с законом от 7 августа того же 1932 г.: смертной казнью за сорванный голодным человеком хлебный колосок).

Перемена "субъекта" распространилась и на мировое коммунистическое движение, которое Сталин рассматривал как вынесенную вовне часть аппарата с однотипными аксессуарами и губительными последствиями для людей и идей.

И так ли уж далек сталинский жупел "социал-фашизма" от сталинской "ликвидации кулачества" или того же закона от 7 августа? Поистине: родственное не только ищет родственное, но и продуцирует его.

В самом широком смысле общий итог представляет собой не столько возврат к империи самодержцев, сколько прогресс на выворот, инволюцию, имеющую новый мировой статус.

И это относится не только к строю, но и к человеку. Превращение человека в заложника могущества вернуло Россию к внеполитическому существованию, сделав заново злободневной и, по существу, центральной проблему "вертикальной" несвободы.

В самом сжатом виде сталинская антропология (имеющая и свои предшествования, как и последователей) может быть выражена в формуле: цель выше человека, средства выше цели, цена выше средств. Все замыкается на Цене.

Цена становится единственным смыслом, обесмысливая жизнь. В качестве единственной она ищет себе новые и новые поприща, "пространства экспансии", заполняя и исчерпывая их собою. Обратная связь не просто нисходит к нулю: в ней нет нужды - для того одного, кто решает наедине все судьбы.

Так, Сталиным и на Сталине закончились (одновременно!) история России в ее четырехвековом охвате, с XVI-го по XIX-й, и одиссея ее вхождения в Мир - преодолением самое себя.

Закончилась история революций XX века, по размаху и содержанию - не только российских, но и мировых. И то и другое закончилось вместе - "закрытием России", вернее, почти закончилось.

Ибо оставался просвет, сохранялись затихшие в глубине импульсы взаимности, источники недемократической человечности, снова ищущей свой предмет.

Война с фашизмом, к происхождению которой Сталин был причастен своим союзом с Гитлером, как и всем балансом утрат и гибелей 1930-х, подсказала этот искомый предмет. И в этом смысле страшная схватка несла в себе спасение для всех. Но и оно пришло не сразу.

Спасение от абсолютного Сталина также сначала досталось Сталину, подвигнув его на последние иступленные поиски поприща для Цены: внутри и вовне. Могла ли вывести из этого безумия контригра верхов аппарата? Сомнительно. Но смерть, в которую он не верил, когда думал о себе, подвела черту.

Ему, но не сталинизму. Обнаружилось: становясь тождественным себе, этот феномен тут же вступает в свою агонию. Агония же - это не тихое умирание. Это долголетняя борьба с переменным успехом, борьба мертвящей системы с человеком, не дающим себя умертвить.

Михаил Гефтер (1918-1995)

Source URL: <http://www.hro.org/node/10783>

Links:

[1] <http://www.hro.org/user/4>

[2] <http://www.hro.org/taxonomy/term/44>

[3] <http://www.hro.org/taxonomy/term/328>

[4] <http://www.hro.org/taxonomy/term/48>

[5] http://www.hro.org/files/images/people/gefter_in_garden.jpg